

Л. Ю. Меньшикова

ГЕРОД АТТИК И ЕГО ВРЕМЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

СКОЛЬ подробны и интересны ни были бы дошедшие до нас сведения о жизни того или иного исторического персонажа, они обладают научной ценностью лишь тогда, когда, основываясь на них, мы имеем возможность реконструировать общую картину эпохи в ее конкретных проявлениях. Очевиден и понятен в этом плане интерес, проявляющийся и проявляемый к политическому деятелю и меценату эпохи Антонинов, одной из центральных фигур «второй софистики», Героду Аттику.

Герод Аттик жил во II в. н. э., который современники называли «золотым веком» Римской империи. Однако этот период характеризуется не только политической стабилизацией, экономическим процветанием и высоким уровнем культуры, но и первыми признаками кризиса, с такой силой проявившегося в III в. н. э.¹ Показателем кризиса было, несомненно, разложение муниципального строя, являющегося одним из условий существования развитого рабовладельческого общества. К изменениям, которые произошли в полисе, следует отнести имущественную дифференциацию, достигшую во II в. н. э. столь значительных размеров, что подавляющая масса граждан лишилась возможности участвовать в политической жизни города. Высшие магистратуры стали доступны только очень богатым гражданам, даже если они и не отвечали необходимому ранее требованию свободного происхождения; усилились антагонизм между богатыми и рядовыми членами гражданского коллектива и систематические распри внутри правящей группировки города; наконец, вмешательство центральной власти Рима постепенно свело на нет городское самоуправление.

Все эти изменения можно проследить на примере афинского полиса, города, в котором прошла основная часть жизни Герода Аттика.

Жизнь Герода хорошо освещена в нарративных и эпиграфических источниках (находки последних не прекращаются по сей день). Героду пос-

¹ Проблема кризиса посвящены работы: О. В. Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э., М., 1954; он же, Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи, М., 1957; Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого общества в западных провинциях Римской империи, М., 1957; Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи, М., 1971; Е. М. Штаерман, Кризис античной культуры, М., 1975. О кризисной ситуации в области экономики см. А. Н. М. Jones, The Later Roman Empire, I, Oxf., 1964, стр. 8—12; F. M. Heichelheim, An Ancient Economic History, III, Leiden, 1970, стр. 214, 219; в области идеологии — см. G. W. Bowersock, Augustus and the Greek World, Oxf., 1965, стр. 147; он же, The Greek Sophists, Oxf., 1969, стр. 71, 74—75.

выщена самая обширная биография в «Жизнеописаниях софистов» Филострата². Сведения о Героде содержатся в переписке Фронтонa с Марком Аврелием (Fronto, Epistulae ad M. Caes., I, 5; II, 8; III, 2—5; IV, 2). О Героде писали Лукиан (Dem. 24, 33; De mort. Per. 19—20); Павсаний (I, 9, 6; II, 1, 7; 3, 6; 32, 1; VI, 21, 2; VII, 20, 6; X, 32, 1); Авл Геллий (N. A. I, 1, 2; 9, 2; 19, 2; II, 5, 5; 19, 12; XVIII, 10, 1). Упоминания о Героде встречаются в «Римской истории» Диона Кассия (LXXI, 35, 1) и у авторов НА (Vita Marci, II, 4; Vita Veri, II, 5).

Надписей, имеющих отношение к Героду, очень много. Перечень их наиболее полон в просопографическом исследовании А. Штейна³, в работе П. Грендора⁴ и в книге О. В. Кудрявцева «Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э.»⁵ Надписи, найденные в 50-е и 60-е годы нашего века, представлены у Дж. Оливера⁶.

В пределах небольшой статьи нельзя отразить всю ту обширную литературу, которая посвящена Героду. Тем более что, ограничиваясь кругом социально-политических вопросов, придется вообще опустить множество работ выдающихся филологов-классиков (У. Виламовиц-Меллендорф, Э. Роде, В. Шмид), посвященных Героду как представителю «второй софистики».

Назовем три наиболее важных исследования. В 1913 г. в RE появилась обширная статья К. Мюншера о Героде Аттике⁷. В 1930 г. вышла книга П. Грендора «Герод Аттик — античный миллиардер» (см. выше, прим. 4), подведшая итог многолетней работе автора по опубликованию надписей, относящихся к Героду. Исследование состоит из разделов, осветивших все периоды жизни софиста и все сферы его деятельности: политическую карьеру, благотворительность, занятия ораторским искусством. В 50-е годы О. В. Кудрявцевым была завершена работа над диссертацией, посвященной Героду Аттику, главные идеи которой легли в основу двух глав его книги «Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э.». Весь материал, относящийся к Героду, рассматривается в этой работе как конкретизация более общего вопроса — о социально-экономических и политических отношениях, сложившихся в Ахайе во II в. н. э.

В настоящее время возникла потребность продолжить исследование жизни софиста, поскольку в 1966 г. была найдена большая (около 100 строк) надпись, упоминающая Герода и его главных политических противников — Демострата, Праксагора и Мамертина⁸. Надпись представляет собой послание Марка Аврелия в Афины в связи с бесконечным потоком апелляций в Рим на имя императора, что сразу же погружает нас в атмосферу судебных процессов, отразивших всю остроту социальных противоречий в Афинах.

² Philostratorum et Callistrati Opera, Parisiis, ed. Didot, 1849, II, 1; Flavii Philostrati Opera, ed. Keiser. Lipsiae, v. II, 1871, стр. 55—73.

³ A. Stein, Prosopographia Imperii Romani, saec. I, II, III, pars 2, 1936, стр. 175—182.

⁴ P. Graindor, Un milliardaire antique Hérode Atticus et sa famille, Le Caire, 1930 (далее — Graindor, Hérode Atticus).

⁵ Стр. 172—174, прим. 3.

⁶ J. H. Oliver, Marcus Aurelius: Aspects of Civic and Cultural Policy, «Hesperia», Supplementum XIII, 1970, стр. 25, прим. 9.

⁷ K. Münscher, Herodes (13), RE, VIII, 1913, стб. 921—954.

⁸ Текст, перевод, комментарий и подробное исследование надписи — в работе Дж. Оливера (см. прим. 6); рецензии на публикацию надписи: P. Petit, L'Antiquité classique, 40, 1971, стр. 797—800; G. W. Bowersock, The Classical World, 64, 1971, стр. 276; поправки к переводу надписи: C. P. Jones, A New Letter of M. Aurelius to the Athenians, «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», VIII, 1971, стр. 161.

Послание Марка Аврелия — необычайно яркое свидетельство кризиса, охватившего полис: повсеместным становится нарушение норм законности при исполнении магистратур, на самые высокие должности, даже в совет Ареопага, попадают внуки и сыновья вольноотпущенников, что, несомненно, связано с возрастанием роли богатства в политической жизни города. Надпись позволяет пересмотреть в свете новых данных ряд вопросов, например, о датировке правления братьев Квинтилиев в Ахайе, а также уточнить некоторые детали биографии Герода Аттика, например, объяснить, что послужило основой подозрений императора, когда он обвинил софиста в связи с Луцием Вером, или раскрыть смысл термина «тирания» в применении к Героду.

Обвинение Герода в тирании встречается в различных источниках. Филострат (VS, II, 1, 25) сообщает, что, «когда Квинтилиев правили Элладой, афиняне, пригласив этих мужей в экклесию, указывая на Герода, кричали, что они управляются тиранически (τιραννουμένων)». Комментатор Аристида называет Герода ως δυνάστην (Arist., Proleg., Dindorf, стр. 739). В начальных строках новой надписи (fr. B), которые дошли до нас в очень фрагментированном виде, содержится термин δεσπότου, по-видимому также относящийся к софисту.

Однако трудно представить себе, чтобы Герод мог претендовать на роль самовластного правителя Афин в условиях господства Рима, который никогда не поддерживал тиранов⁹. Дж. Оливер, давая подробный комментарий к надписи и вскрывая причины разногласий Герода с афинянами, вводит понятие «экономической тирании» как характерного явления рассматриваемого периода¹⁰. Впрочем, он ограничился постановкой этого вопроса в самом общем виде, в то время как данные Филострата, Фронтонна и надписей позволяют не только применить это понятие к Героду, но и проследить, как финансовая зависимость афинян от семьи Аттиков превратилась в «экономическую тиранию» при Героде.

Из Филострата известно, что отец софиста, Атик, неоднократно благодетельствовал сограждан, устраивая великолепные гекатомбы и раздачи вина на праздниках Диониса (Phil., VS, II, 1, 5). Почетный декрет в честь Клавдия Аттика был вотирован за регулярные жертвоприношения во время исполнения им должности казначея пританея¹¹. Атик-отец позаботился и о том, чтобы и после его смерти граждане не лишились систематической поддержки, которой они пользовались при его жизни. Им было составлено уникальное завещание, согласно которому каждый афинянин должен был ежегодно получать по одной мине (Phil., VS, II, 1, 5)¹². Герод, понимая, что выполнение отцовской воли фактически лишает его наследства, предложил афинянам заменить ежегодные раздачи единовременной выплатой — по пяти мин на человека (Phil., VS, II, 1, 6). Получив согласие и воспользовавшись старыми долговыми расписками афинян его отцу и деду, он произвел вычет всех долгов из подлежащей выплате суммы¹³. «В результате,— сообщает Филострат,— одним заплати-

⁹ Достаточно вспомнить борьбу Рима с тиранией Набиса или позицию Августа в отношении Эврикла Спартанского. Этот вопрос применительно ко II в. н. э. рассматривается Дж. Оливером (J. H. Oliver, The Ruling Power, «Transaction of the American Philosophical Society», 43, 1953, p. 4, стр. 950—988), когда он комментирует «Панегирик Риму» Элия Аристида (65).

¹⁰ Oliver, Marcus Aurelius, стр. 27, 72.

¹¹ J. H. Oliver, Financial Aid to Tribes of Roman Athens, AJPh, 70, 1949, стр. 303.

¹² О завещании Аттика: Кудрявцев, Эллинические провинции..., стр. 184—185; Münscher, ук. соч., стб. 928; Graindor, Hérode Atticus, стр. 71, 76—77; Stein, ук. соч., стр. 178.

¹³ R. Bogaert, Banques et banquiers dans les cités grecques, Leyden, 1968, стр. 85.

ли мало, другим — ничего» (Phil., VS, II, 1, 6). Отсюда следует, что еще дед и отец Герода занимались ростовщичеством — масштабы этой деятельности были так велики, что в руках у них оказались жители целого города¹⁴. Однако именно при Героде экономическая зависимость приобрела особенно жестокие формы.

Фронтон, известный латинский ритор, бывший, как и Герод, наставником Марка Аврелия, в самых ярких красках описал императору насилия, которые имели место при взимании с афинян долгов вместо выплаты причитающихся им по завещанию Аттिका денег: «Должно говорить о людях свободных, жестоко избитых и ограбленных, из которых один был даже убит; должно говорить о сыне нечестивого и не помнящем отцовских просьб; должно укорять в жестокости и жадности; Герод в этом деле должен быть представлен как какой-то палач» (Fronto ad M. Caes. III, 3)¹⁵. Скорее всего, во всем этом было повинно ближайшее окружение Герода, состоявшее из его отпущенников. Возможно, данные события послужили поводом начать против Герода процесс¹⁶.

События, связанные с наследством Клавдия Аттिका, несомненно, сыграли решающую роль в возникновении антипатии сограждан к Героду. Филострат сообщает, что ненависть афинян не утихла даже после того, как Герод построил великолепный мраморный стадион, который сограждане называли Панафинейским, так как, по их мнению, «он был сделан на то, чего не получили все афиняне» (Phil., VS, II, 1, 6). Герод в их глазах и в дальнейшем невыгодно отличался от отца тем, что никогда не устраивал раздач. Это не значило, что он вообще отказывался от благотворительности, так характерной для этого периода. Но он предпочитал делать это в форме обширного строительства, которое развернул по всей Греции (Phil., VS, II, 1, 9), что свидетельствовало о его намерении достаточно самовластно распоряжаться своим богатством, не считаясь с потребностями обедневших сограждан.

Новая надпись поясняет и уточняет данные Филострата в том, что касается богатства Герода, зависимости от него сограждан и злоупотреблений его вольноотпущенников.

Марк Аврелий рассматривает обвинение, выдвинутое Атенодором, сыном Агриппы, против управителей имений Герода (стк. 23). К сожалению, данные надписи не позволяют судить о том, что именно послужило поводом для судебного преследования отпущенников Герода. Однако сам факт обвинения показывает, что и спустя многие годы после истории с завещанием Аттिका (события, описываемые Фронтоном, датируются 140 г.,

¹⁴ О. В. Кудрявцев (Эллинские провинции..., стр. 170) считает, что ростовщичество было одним из источников доходов семьи Аттиков.

¹⁵ Здесь и дальше ссылки по изданию: M. Cornelii Frontonis et M. Aurelii imperatoris epistulae, Roma, 1823. Перевод О. В. Кудрявцева (Эллинские провинции..., стр. 184).

¹⁶ Большинство исследователей считает, что против Герода был возбужден процесс сначала в Афинах, а потом в Риме, обвинителем на котором выступал Фронтон, о чем свидетельствуют его письма (Fronto ad M. Caes. III, 2—4; IV, 2): M ü n s c h e r, ук. соч., стб. 928, 930; Graindor, Hérodès Atticus, стр. 76, 77; О. В. Кудрявцев (Эллинские провинции..., стр. 187) считает, что «процесс Фронтона против Герода является настоящим социальным конфликтом, конфликтом между господствующей группировкой знати и демосом одного из крупнейших городов, заключенным, однако, в законные формы римской юстиции». Исключение представляет мнение Бауэрска (G. W. B o w e r s o c k, Greek Sophists, Oxf., 1969, стр. 99 сл.), который пришел к выводу о том, что не было процесса Герода, а был процесс Асклепиодота, на котором Герод выступал защитником. С последним мнением трудно согласиться, поскольку маловероятно, чтобы против защитника выдвигались столь серьезные обвинения.

а послание Марка Аврелия относится к 174/5 г.)¹⁷ афиняне испытывали раздражение и антипатию по отношению к отпущенникам софиста.

Большое значение для характеристики Герода как крупного собственника имеет упоминание в послании о людях, которые управляли его собственностью — заведовали его финансовым хозяйством или, возможно, именными¹⁸. П. Грендор заключил, что места, где были обнаружены многочисленные надписи, относящиеся к любимым ученикам софиста — Полидевку, Ахиллу, Мемнону, можно считать владениями Герода¹⁹. Герода следует причислить к самым богатым землевладельцам Греции, поскольку он владел великолепными виллами в Марафоне и Кефисии (красочное описание виллы Герода в Кефисии сохранилось у Авла Геллия — N. A., II, 1, 2), принадлежавшие ему участки были разбросаны по всей Греции вплоть до Пелопоннеса, он имел земли на островах Кеосе и Эвбее, и даже далеко за пределами Эллады ему принадлежало прекрасное имение в Италии, близ Аппиевой дороги, которое принесла ему в качестве приданого его жена Регилла (IG, XIV, 1389—1392)²⁰. Следует заметить, что концентрация земли — один из главных признаков кризиса как полиса²¹, так и всей рабовладельческой системы в целом²². В Аттике это явление получило самое широкое распространение в конце II в., как то видно на примере Герода.

Надпись, опубликованная Дж. Оливером, добавляет к ранее известным новые данные о зависимости афинян от благотворительности Герода. Марк Аврелий, выступая в роли примирителя после процесса в Сирмии, пишет согражданам Герода: «Я позаботился о том..., чтобы афиняне, помня о прежних известных им благодеяниях Герода, возобновили бы доверие прежней взаимной дружбы» (сткк. 87—92).

В этой части надписи речь идет, по-видимому, о ранних благодеяниях Герода, например, о постройке им стадиона в 143 г. или сооружении круглого театра в Афинах в память о Регилле в 160 г. (Phil., VS, II, 1, 7; 19). Следовательно, император ставит хорошие отношения софиста с согражданами в прямую зависимость от его благотворительных акций. Более того, в словах «τῆς θρασύτητας ἐπὶ πάλιν ἐκπεποιημένης» Дж. Оливер видит указание на значительные уступки Герода, сделанные им уже после процесса в 174 г. для того, «чтобы облегчить „экономическую тиранию“, на которую жаловались афиняне»²³.

Таким образом, можно заключить, что обвинение Герода в тирании, о котором сообщает Филострат, могло иметь место. Богатство Герода предопределило зависимость от него рядовых граждан. Современные исследователи доказали, что Герод был самым богатым человеком Греции своего времени. И. Дэй оценил состояние Герода в 24 млн. драхм²⁴.

¹⁷ O l i v e r, Marcus Aurelius, стр. 34.

¹⁸ Стк. 24: πρὸς τοὺς διοικητὰς κρ(ατίστου) Κλ(αυδίου) Ἡρωίδου, стк. 49: οἱ διοικηταὶ τῶν τοῦ κρ. Ἡρωίδου, стк. 82: πρὸς ἕκαστους τοὺς προνοουμένους τῶν τοῦ κρ. ἀνδρός. Это, как поясняет Дж. Оливер, — те вольноотпущенники, против которых Марк Аврелий обратил свой гнев после суда в Сирмии (см. O l i v e r, Marcus Aurelius, стр. 15).

¹⁹ P. G r a i n d o r, Attique inscriptions, BCH, 38, 1914, стр. 359 сл.; он же, Hérode Atticus стр. 114.

²⁰ О землевладении Герода: А. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. п. э., М.—Л., 1949, стр. 239; К у д р я в ц е в, Эллинические провинции..., стр. 176; M ü n s c h e r, ук. соч., стб. 923; A. P h i l a d e l p h u s, L'hermes de Hérode Atticus, BCH, 44, 1920, стр. 173; S t e i n, ук. соч., стр. 179; J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, N. Y., 1942, стр. 235; U. K a h r s t a d t, Kulturgeschichte der römischen Kaiserzeit, Bern, 1958, стр. 159.

²¹ К у д р я в ц е в, Эллинические провинции..., стр. 11.

²² Ш т а е р м а н, Т р о ф и м о в а, ук. соч., стр. 12.

²³ O l i v e r, Marcus Aurelius, стр. 27.

²⁴ D a y, ук. соч., стр. 245.

П. Грендор считал, что Герод на частные средства построил столько же, сколько Август на общественные ²⁵

Необыкновенное богатство, властный характер, злоупотребления ближайшего окружения софиста приводили к тому, что афиняне обвиняли Герода в тирании, имея в виду его экономическое преобладание в городе.

Следствием столь далеко зашедшей имущественной дифференциации было то, что одни и те же богатейшие люди многократно исполняли важнейшие должности, например должность стратега гоплитов или архонта ²⁶. М. Волох в статье «Четыре ведущие семьи в Римских Афинах» ²⁷ показал, что преобладание в политической жизни Афин имели Клавдии из Марафона (это род Герода Атика) и Клавдии из Мелита (откуда вел свое происхождение главный противник Герода — Демострат).

Именно в это время возрастает роль буле и Ареопага, которые получают значительный перевес над народным собранием, чему в немалой степени способствует Рим, который поддерживает в греческих городах олигархические и аристократические режимы ²⁸.

То, что традиционные нормы афинской конституции систематически нарушались, показывает ряд апелляций, поступивших на рассмотрение Марка Аврелия, как свидетельствует новая надпись. В сткк. 15—22 говорится о попытках незаконного проникновения в Панэллинскую лигу Ладика, сына Полиэна, и Софана, сына Софана. При этом, как свидетельствует апелляция Ладика, его обвиняли в том, что он не достиг нужного возраста и не исполнял еще соответствующих должностей (сткк. 15—17). В сткк. 27—29 рассматривается дело Ностима, сына Дионисия, который не смог доказать, «что он стал ареопатитом по законам». Наконец, в сткк. 30—34 Марк Аврелий предлагает вниманию Ареопага дело Попилия (Пия), который хочет стать афинским гражданином, при этом император советует ареопатитам исследовать «согласно законам и предшествующим обычаям, имеет ли он данные для этого на основании своего происхождения».

Комментируя новую надпись, Дж. Оливер обратил внимание на изменившийся состав высших органов власти в Афинах ²⁹. Приведем соответствующий раздел послания, в котором отразилось новое положение дел в Ареопаге. Марк Аврелий пишет афинянам: «Я пытался вернуть избранный совет к древнему обычаю, на основе которого в Ареопаг допускали только тех, кто удовлетворял правилу трех поколений (*τοὺς ἀπὸ τῆς τριγωνίας ἐξαρτῶμεν*)» (сткк. 57—60); и далее: «... Следует ослабить некоторые законы прошлого, связанные с *φιλανθρωπία* ..., после этого (постановления. — Л. М.) быть (в Ареопаге. — Л. М.) тем, кто имеет хорошее происхождение по двум поколениям предков».

Этот отрывок свидетельствует о совершенно новом явлении в политической жизни Афин: нарушается старое правило *τριγωνία*, на основе которого только те, кто имел три поколения свободнорожденных предков,

²⁵ Graindor, Hérode Atticus, стр. 230.

²⁶ С. А. Жебелев, АХАИКА, СПб., 1903, стр. 123, 160, 176, 340, 360, 361; Рапович, ук. соч., стр. 239; Кудрявцев, Эллинские провинции..., стр. 121—136; он же, Исследования..., стр. 348; J. H. Oliver, The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law, Baltimore, 1950, стр. 84; он же, The Ruling Power, стр. 953. К сожалению, нам осталась недоступной работа: D. J. Geagen, The Athenian Constitution after Sulla, 1967, но, судя по рецензиям (R. Forgy в «L'antiquité classique», 37, 1968, стр. 756—757 и J. Daу в «The Classical World», 62, 1968, стр. 16), Д. Джиген отмечает те же самые изменения.

²⁷ M. Woloch, Four Leading Families in Roman Athens, «Historia», 18 (1969), 4, стр. 503—510.

²⁸ Жебелев, ук. соч., стр. 124, 351; Кудрявцев, Эллинские провинции..., стр. 46, 127; A. H. M. Jones, The Greeks under Roman Empire, «Dumbarton Oaks Papers», 17, 1963, стр. 7.

²⁹ Oliver, Marcus Aurelius, стр. 19—21.

попадали в высшие органы власти — буле и Ареопаг, ставшие теперь доступными потомкам вольноотпущенников. Дж. Оливер видит причину этого изменения в перемещении богатств от старых фамилий к сыновьям и внукам вольноотпущенников, которые, по-видимому, готовы были взять на себя содержание обедневших сограждан³⁰.

В главе «Луций Вер и реформа» Дж. Оливер³¹, используя материалы НА, доказывает, что именно Луций Вер способствовал проникновению потомков вольноотпущенников в Совет Пятисот, Панэллинскую лигу и даже Совет Ареопага. Этот вывод частично строится на сообщении Филострата о событиях в Сирмии, где проходил суд над Геродом в присутствии Марка Аврелия. Опуская описание хода процесса, поскольку он неоднократно служил предметом исследования³², приведем только необходимый фрагмент: «После этого собрания (эклесии, на которой Герод обвинялся в тирании.— Л. М.) Демостраты, Праксагоры, Мамертины и другие составили оппозицию Героду... Они тайно отправились к императору, доверяя более демократическому характеру царя и счастливому случаю: ведь в том же, в чем он заподозрил Луция, своего соправителя, он заподозрил и Герода, как соучастника того» (Phil., VS, II, 1, 28)³³.

На основании этих данных Дж. Оливер предполагает, что Герод поддержал реформы Луция Вера в Афинах и за это подвергся осуждению Марка Аврелия, недовольного политикой своего соправителя. Вот почему Марк Аврелий решил исход процесса не в пользу Герода и наказал его вольноотпущенников, «так как апология афинян содержала обвинение против вольноотпущенников» (Phil., VS, II, 1, 29). Допуская, что инициатором нововведений мог быть Луций Вер, трудно все же согласиться с тем, что Герод поддержал эти реформы³⁴. Однако обвинить Герода в попустительстве его собственным вольноотпущенникам было нетрудно, и его противники в Афинах, конечно, не преминули этим воспользоваться.

Надпись, как мы могли убедиться, показывает, что и Марк Аврелий вынужден был пойти навстречу изменившимся условиям в Афинах, допустив в состав Ареопага (сткк. 64—66) и Панэллинскую лигу (сткк. 77—79) людей, доказавших свое свободное происхождение уже не по трем, а только по двум ближайшим предкам³⁵; в Совет Пятисот допускались свободнорожденные, имевшие отца-вольноотпущенника (сткк. 80 и 99—100). Эта уступка, по нашему мнению, была одним из проявлений кризиса, выразившегося, в частности, «в расслоении и перемешивании прежних классов и сословий»³⁶.

В послании Марка Аврелия в Афины упоминаются имена Демострата, Праксагора и Мамертина, что позволяет уточнить и расширить наши пред-

³⁰ Там же, стр. 76.

³¹ Там же, стр. 72—76.

³² Подробное описание процесса дано в работах: Кудрявцев, Эллинические провинции..., стр. 193—194; Müncher, ук. соч., стб. 947 сл.; Graindor, Hérode Atticus, стр. 77—78; Stein, ук. соч., стр. 179.

³³ См. Кудрявцев, Эллинические провинции..., стр. 187—189; Graindor, Hérode Atticus, стр. 121—236; Oliver, The Ruling Power, стр. 953.

³⁴ Герод на суде отрицал иную связь с Луцием Вером, кроме связей гостеприимства. Уходя с процесса, он бросил Марку Аврелию: «Так-то ты платишь мне за гостеприимство, оказанное Луцию, которого сам ко мне послал» (Phil., VS, II, 1, 28). И действительно, трудно представить себе, чтобы Героду, гордившемуся своим происхождением и неоднократно подчеркивавшему это (IG, XIV, 1389), не претила мысль о соседстве в таком строго сословном органе, как Ареопаг, с потомками рабов.

³⁵ Как полагает Д. Оливер, по отцу и деду с отцовской стороны (Olive, Marcus Aurelius, стр. 20).

³⁶ Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 12; см. также Кудрявцев, Исследования..., стр. 298, 341, 345; Штаерман, Кризис рабовладельческого общества..., стр. 120 сл., 146.

ставления о главных противниках Герода, упомянутых у Филострата (Phil., VS, II, 1, 26). Обработка ранее найденных надписей показала, что эти афиняне не уступали Героду ни в знатности происхождения — Демострат принадлежал к роду Эвмолпидов, ни по положению в городе — хи *cursus honorum* включает высшие должности: глашатай Ареопага, архонта, стратега гоппитов³⁷. Это свидетельствует о размерах их богатства, поскольку исполнение магистратур и жреческих должностей в современных им Афинах было сопряжено с большими расходами. Последнее, по-видимому, подтверждается новой надписью.

На рассмотрение Марка Аврелия поступило дело, возбужденное Элиме Праксагором, Клавдием Демостратом и Элием Темисием, которые обвиняют Элия Дионисия в незаконном занятии должности носителя корабельного факела. Марк Аврелий поясняет, что человек, занимающий эту должность, может уплатить стоимость почетного хлеба после вступления в должность (сткк. 1—6). По-видимому, роль богатства при исполнении городских и жреческих должностей возрастает и этим пользуются Демострат и Праксагор, чьи состояния позволяют им оттеснить других претендентов.

Следующее дело направлено против Валерия Мамертина, пытавшегося занять должность «священного глашатай» (*ιεροκήρυξ*), не имея на то законных оснований, так как он принадлежал к роду Эвмолпидов, а не Кериков, из которых избирались священные глашатай (сткк. 7—14). Поскольку к роду Кериков принадлежал Герод, скорее всего эта попытка Мамертина была направлена именно против него³⁸.

Видимо, нападки на Герода часто начинались с обвинения его отпущенников, и они не всегда оставались в долгу, как свидетельствует послание Марка Аврелия. В стк. 49 упоминается Элий Аминий, против которого возбудили дело двойкеты Герода³⁹.

Данные Филострата и надписи помогают восстановить картину борьбы внутри правящей группировки Афин за преобладание в городе. Сначала верх, по-видимому, одерживает Герод⁴⁰. Но в конце 60-х гг. его противники, которым удалось привлечь на свою сторону афинский демос (как показывают результаты экклесии — Phil., II, 1, 25), обвинив отпущенников Герода (как свидетельствует судебное дело, возбужденное Атенодором, сыном Агриппы — сткк. 23—26), отправились в Сирмию, чтобы объявить Герода сторонником реформаторской деятельности Луция Вера. Результатом борьбы было поражение Герода, который был вынужден на время покинуть Афины, уступив первенство своим врагам (Phil., VS, II, 1, 30).

Таким образом, налицо обострение социальных противоречий⁴¹, проявлявшихся как в борьбе «власть имущих» между собой, так и во вспыш-

³⁷ Кудрявцев, Эллинические провинции..., стр. 188—189. Особенно хорошо изучена фигура Демострата, главного противника Герода: Graindor, *Hérode Atticus*, стр. 118; Oliver, *The Exponents...*, стр. 76—81; Woloch, ук. соч., стр. 505; J. Avotins, *Prosopographical and Chronological Notes on Some Greek Sophists of the Empire*, «California Studies in Classical Antiquity», vol. 4, 1971, стр. 75: следует отметить, что последний автор не согласен с предложенной Дж. Оливером генеалогией семьи Демострата. Впервые отождествление Демострата — противника Герода и Демострата Петилиана, упомянутого в письме Фронтоня к Марку Аврелию (*Ad Ant. imp.* II, 8) и Луцию Веру (*Ad Ver. imp.* II, 9) было предложено в комментарии к переписке Фронтоня (ук. изд., стр. 29), затем обосновано О. В. Кудрявцевым (Эллинические провинции..., стр. 187 сл.) и более подробно Бауэрсоком (Bowersock, *Greek Sophists*, стр. 98).

³⁸ Oliver, *Marcus Aurelius*, стр. 39.

³⁹ Notes on Attic Prosopography, «Phoenix», 29, 1975, 4, стр. 387.

⁴⁰ Кудрявцев, Эллинические провинции..., стр. 180.

⁴¹ Там же, стр. 49; Штаерман, Кризис рабовладельческого общества..., стр. 95, 400, 406; Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 238.

ках недовольства афинского демоса, который, не решаясь нападать на могущественного патрона, привлекал к судебной ответственности отпущенников Герода.

В одном из дел, которое касается управляющих хозяйством Герода Атика, Марк Аврелий решительно принимает сторону людей Герода, видимо, потому, что ко времени отправки послания в Афины — 174/5 г. он полностью простил софиста и хочет показать это афинянам: «Ингенуй... пусть будет судьей и для управляющих хозяйством светлейшего (*κράτιστος* здесь соответствует латинскому *clarissimus*) мужа против тех, кто выдвигает необоснованные обвинения» (стк. 82).

Сведения Филострата и их исследование в свете данных новой надписи позволяют более точно охарактеризовать отношение Марка Аврелия к Героду Аттику.

Еще в ходе следствия в Сирмии Марк Аврелий, несмотря на то что решил дело не в пользу Герода, не утратил своего расположения к софисту. Об этом свидетельствует поведение императора на суде. Филострат так описывает заключительную стадию процесса. Доведенный до отчаяния нападками Демострата и других афинян, а также случившимся накануне несчастьем (в день, предшествовавший процессу, погибли от удара молнии дочери его любимого отпущенника Алкимедонта, к которым Герод был очень привязан), Герод набросился с упреками на самого императора, не пощадив в своей речи даже жену и дочь Марка Аврелия. Возмущенный префект претория пригрозил ему смертью. Герод, бросив презрительно: «Старик мало чего боится», — ушел из суда, не использовав даже времени, отведенного ему для защиты.

Биограф Герода отмечает в числе достижений Марка в области философии поведение его на этом суде: «ведь не повел бровью и, не моргнув глазом, все стерпел, как какой-нибудь (простой. — Л. М.) судья» (Phil., VS, II, 1, 28).

Итак, Марк Аврелий вытерпел все нападки Герода по своему адресу и по адресу своих ближайших родственников и наказал не самого Герода, а только его отпущенников. По словам Филострата, во времена Герода некоторые считали, что софист был отправлен на жительство в город Орик, но что это не соответствовало действительности, так как если бы Марк Аврелий отправил его в изгнание, то он не стал бы писать ему в таком дружеском тоне. Филострат цитирует письмо императора к софисту, которое, по его мнению, подтверждает эту мысль: «Здравствуй, мой друг Герод! Желаю тебе здоровья. Ты должен помнить о моем расположении к тебе и не считать несправедливым, что я, уличив некоторых из твоих (людей) в дурном поведении, наказал их как можно более подходящим способом. Не сердись на меня за это. Если я тебя огорчил или огорчаю, попроси от меня удовлетворения в храме в Афинах во время мистерий. Я дал обет, когда война была в самом разгаре, посвятиться в таинства. Не станешь ли ты моим мистагетом?» (VS, II, 1, 34).

Интересно сопоставить содержание этого письма с той частью новой надписи, где также отразилось расположение Марка Аврелия к Героду и настойчивое стремление императора наладить отношения софиста с согражданами, которые очень ухудшились после процесса в Сирмии: «Я позаботился о том, чтобы в будущем Героду, хорошо известному его заботам о просвещении, было позволено разделять с афинянами веселье (*συμμετέροσθον*) *ἐχέειν*)⁴² на их религиозных и юбилейных праздниках, и афиняне,

⁴² См. дискуссию между Оливером и Джонсом относительно перевода *συμμετέροσθον ἐχέειν*: С. Р. Jones, A New Letter of M. Aurelius to the Athenians. «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», 8, 1971, стр. 161; J. H. Oliver, Notes on Marcus Aurelius, там же, 16, 1975, стр. 315.

помня о прежних известных благодеяниях Герода, возобновили бы доверие прежней взаимной дружбы, для которой они не нуждаются во мне, как в примирителе. Что еще осталось в чьем-нибудь сердце, после того как стерлась память об обвинениях; после того как была проявлена забота обо всех, разве невозможно афинянам любить моего Герода, который также и их собственный, после того как ничто другое серьезное не препятствует, благодаря милости (τῆ εὐνοίᾳ)» (сткк. 86—93).

Применение к отношениям Герода с согражданами понятия «дружба», по-видимому, преувеличение, и тем не менее оно свидетельствует о том, что отношения Герода и афинян не раз менялись на протяжении долгих лет жизни софиста в Афинах — их ухудшение зависело от происков врагов Герода, их улучшению способствовали благотворительные акции Герода и, очень вероятно, заступничество Марка Аврелия. Новая надпись — свидетельство исключительного расположения Марка Аврелия к софисту. Видимо, императора искренне огорчала распря афинян и Герода и, сознавая, что справедливость требует осудить его поведение в Афинах, он в то же время оставался верным своей привязанности, которая возникла у него в бытность учеником Герода ⁴³.

Таким образом, скорее всего, ссылки в Орик не было и, видимо, вскоре после процесса между императором и Геродом восстановились хорошие отношения. Герод написал первым, и Марк Аврелий сразу же ему ответил (Phil., VS, II, 1, 30).

Расположение Марка Аврелия к софисту ⁴⁴, которое прослеживается в новой надписи, очень напоминает его отношение к Героду в письме, приведенном у Филострата, — это позволяет предположить, что письмо подлинное ⁴⁵. К тому же одно из событий жизни Марка Аврелия, упоминаемое в этом письме, действительно имело место: в 176 г. император был посвящен в элевсинские мистерии, и, если посвятителем его был не Герод, то это объясняется, по-видимому, тем, что софиста в это время уже не было в живых.

Еще во время первого судебного процесса, связанного с завещанием Аттика, Марк Аврелий в ряде писем (Caesar M. Frontoni, I, 5; III, 2; IV, 2) просил Фронтон не задевать Герода и наладить с ним хорошие отношения. Эта же мысль красной нитью проходит через послание императора

⁴³ По-видимому, Герод, у которого был исключительно тяжелый характер и очень злой язык, доставил немало неприятных минут Марку Аврелию. Иначе чем объяснить, что Марк Аврелий, который упоминает во вступительной части своих «Размышлений» всех учителей, родственников и вообще людей, оказавших так или иначе на него воздействие, не называет своего учителя греческой риторики (Cass. Dio, LXXI, 35, 1; SHA, Vita Marci, II, 4; Vita Veri, II, 5), с которым его связывали долгие и дружеские отношения на протяжении всех лет жизни Герода. Тем более что Герод, несомненно, оказал на него немалое влияние. Не следует забывать, что «Размышления» написаны на греческом языке, а о том, как высоко оценивал Марк знания Герода в области философии, свидетельствует то, что вскоре после процесса он поручил Героду выбор руководителей для четырех философских кафедр, учрежденных им в Афинах. Однако Марк Аврелий о каждом человеке, упомянутом в «Размышлениях», пишет только хорошее. По-видимому, он не мог поступить так в отношении Герода, который обдел немало людей из непосредственного окружения Марка Аврелия (императрица, Фронтон, братья Квинктилий, римский сенатор Брадуа — брат жены Герода). Но Марк Аврелий считал долгом истинного философа умение прощать человеческие слабости и недостатки (он посвящает этому многие страницы своих «Размышлений»). Прощал он их и Героду, как свидетельствуют письма к Фронтому (Caesar M. Frontoni I, 5; IV, 2; III, 2), биография Герода в изложении Филострата и новая надпись.

⁴⁴ Об отношении Марка Аврелия к Героду см. Mü n s c h e r, ук. соч., стб. 929; R. S u m e. Some Friends of the Caesars, AJP, 77, 1956, стр. 269; B o w e r s o c k, Greek Sophists, стр. 49.

⁴⁵ Ср. К у д р я в ц е в, Эллинистические провинции..., стр. 182, прим. 4; стр. 194, прим. 4; G r a i n d o r, Un épisode de la vie de Hérode Atticus, «Le Musée Belgé», 16, 1912, стр. 77: «Ничто не позволяет сомневаться в подлинности письма».

в Афины: Марк Аврелий выражает настойчивое желание, чтобы афиняне помирились с Геродом. И Марк достиг своей цели: сохранилась метрическая надпись из Марафона⁴⁶, описывающая торжественную процессию, которая встречает Герода, возвращающегося в Афины (IG, II—III², 3, 1, 3609²). Весь город выходит ему навстречу. Первыми идут жрецы, за ними члены Совета Пятисот и Ареопаг. В процессии участвуют эфебы, одетые в белые одежды, подаренные им Геродом. Хор мальчиков исполняет праздничные гимны. «Никто в этот день не остался дома — ни стражник, ни ребенок, ни белорукая девушка, но все устремились навстречу Героду» (сткк. 30—32). Город встречает софиста, «как истосковавшаяся мать сына» (сткк. 33—36).

Первые строчки надписи ясно показывают, что Герод возвращается после отсутствия, связанного с процессом в Сирмии (сткк. 3—5). Чем же была вызвана эта блестящая встреча, устроенная софисту согражданами после возвращения с суда, на котором они сами способствовали его поражению? Долгое время исследователи терялись в догадках. П. Грендор после попытки объяснить триумфальное возвращение Герода его богатством замечает: «Мы должны уступить нашему незнанию в ожидании текста, который прольет свет на решение данного вопроса»⁴⁷. Такой текст нашелся. Это — письмо Марка Аврелия в Афины. Что могло сильнее подействовать на афинян, чем призыв императора забыть старые распри и примириться с Геродом? Тогда понятен характер встречи, устроенной софисту. Несомненно, отсутствие в городе самого богатого человека, на благодеяния которого афиняне рассчитывали, немало содействовало тому, чтобы общественное мнение изменилось в его пользу. Видимо, послание Марка примирило с ним даже самых недовольных. Сограждане устроили Героду всенародную встречу (*πανδημική*) — почет, оказываемый обычно самым известным лицам города⁴⁸. П. Грендор полагает, что афиняне «не побоялись выказать свою симпатию к Героду, рискуя навлечь гнев императора, который осудил если не Герода, то его вольноотпущенников»⁴⁹. Однако жители Афин не только ничем не рисковали, но, напротив, выказывали рвение, исполняя желание императора, о котором он так много пишет в своем послании.

В этой связи необходимо рассмотреть еще один аспект новой надписи. Покорность афинского демоса любому распоряжению, исходившему из Рима, так же как поток апелляций на высочайшее имя, свидетельствуют о неспособности полуса самостоятельно решать вопросы внутренней политики⁵⁰. В биографии Филострата немало свидетельств о невозможности для провинциальных властей справиться с внутренними раздорами, возникшими то между наиболее состоятельными гражданами и демосом (например, донос Квинктилиев императору о результатах экклесии, на которой Герод обвинялся в тирании), то внутри правящей группировки города, как это явствует из событий, происходивших в Сирмии.

⁴⁶ G r a i n d o r, Un épisode de la vie de Hérode Atticus, стр. 69—90; H. S v e n s s o n. Rencontre solennelle de Hérode Atticus, BCH, 1926, стр. 527.

⁴⁷ G r a i n d o r, Un épisode de la vie de Hérode Atticus, стр. 74.

⁴⁸ Сравни аналогичную встречу, устроенную Эпаминонду, сыну Эпаминонда геродом Акрефией (Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 144).

⁴⁹ G r a i n d o r, Hérode Atticus, стр. 129.

⁵⁰ Об упадке городского самоуправления см. Э. Г р и м м, Исследования по истории развития римской императорской власти, СПб., 1901, стр. 262, 291, 297, 298; Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 374—375; Ш т а е р м а н, Кризис рабовладельческого общества..., стр. 49, 94—97, 115, 195; J o n e s, The Later... стр. 13; B o w e r s o c k, Greek Sophists, стр. 34—41, 100; Э. Гримм (ук. соч., стр. 298) считает, что подчинение было вызвано упадком городов, а упадок был прелюдией к полной централизации; Е. М. Штаерман (Кризис рабовладельческого общества..., стр. 96—97) связывает все эти процессы с кризисом.

Послание Марка Аврелия в Афины — яркое свидетельство того, что активное вмешательство Рима в дела провинций способствует дальнейшему падению городского самоуправления⁵¹.

Все исследование новой надписи проводится главным образом в сопоставлении с данными Филострата. Объясняется это тем, что именно Филострат дал наиболее исчерпывающую информацию о Героде, к которой, однако, на протяжении ряда лет относились довольно скептически⁵². Можно сослаться для примера на мнение О. В. Кудрявцева⁵³ относительно невозможности для Квинктилиев находиться в Аттике в 170-е гг. и предполагать на этом основании путанице в датах у Филострата, который, по утверждению исследователя, «преследуя в своем повествовании скорее литературные, нежели исторические задачи, соединил для большей выразительности в одном рассказе два события, разделенные большим промежутком времени, но объединенные общностью лиц (Герода, Демострата)».

О. В. Кудрявцев считает, что эkkлeсия, на которой афиняне обвинили Герода в тирании в присутствии братьев Квинктилиев, могла иметь место не позднее 150 г. Но тогда появляется совершенно необъяснимый интервал более чем в 20 лет, прошедший со времени эkkлeсии и до процесса в Сирмии в 174 г.⁵⁴ Это противоречит и утверждению Филострата о том, что «после этого собрания» Демостраты, Праксагоры и Мамертины составили Героду оппозицию и отправились жаловаться на него императору. Ошибка исследователя проистекает из неправильной датировки правления братьев Квинктилиев в Ахайе. Действительно, ряд историков⁵⁵ датировали правление Квинктилиев 148—150 гг., поскольку считалось, что они правили Ахайей в ранге проконсула и легата, что должно было предшествовать их совместному консулату в 151 г. Однако уже давно Э. Гроаг⁵⁶ высказал предположение, что они могли управлять Элладой как *consulares*, тогда один из них был *colegator*, другой — *comes* и правление их приходилось на период совместного царствования «божественных братьев» или на начало единоличного правления Марка Аврелия, т. е. на конец 60-х — начало 70-х гг. II в. В 1969 г. мнение Э. Гроага поддержал Г. В. Бауэрсок⁵⁷, который отметил, что Квинктилию-проконсулу на этой эkkлeсии вообще было нечего делать, а присутствие братьев Квинктилиев в качестве консуляров считал вполне уместным.

Наконец, надпись, в которой Марк Аврелий извещает, что наделяет Квинктилиев экстраординарными полномочиями, а именно, что они должны рассмотреть *vice imperatoris* ряд спорных вопросов в Ахайе и вынести по ним окончательное решение (сткк. 22—23)⁵⁸, подтверждает вывод Э. Гроага относительно правления Квинктилиев в качестве консуляров. И конечно, эта дата правления падает именно на 70-е гг. II в., поскольку послание Марка Аврелия в Афины датируется 174/5 г.

⁵¹ С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 374), ссылаясь на мнение Либенама, отмечает, что императорские рескрипты и письма, обращенные к общинам и частным лицам, умножаются по мере централизации управления и укрепления императорской власти.

⁵² Mü n s c h e r, ук. соч., стб. 924; G r a i n d o r, Un épisode..., стр. 75; К у д р я в ц е в, Эллинические провинции..., стр. 194, прим. 4.

⁵³ К у д р я в ц е в, Эллинические провинции..., стр. 194—195, прим. 2.

⁵⁴ О датировке процесса см. G r a i n d o r, Un épisode..., стр. 77—78; о н ж е, Hérode Atticus, стр. 126; A v o t i n s, Prosopographical and Chronological Notes..., стр. 77.

⁵⁵ G r a i n d o r, Hérode Atticus, стр. 111—113; S t e i n, ук. соч., стр. 178; К у д р я в ц е в, Эллинические провинции..., стр. 138, 141.

⁵⁶ E. G r o a g, Die römischen Reichsbeamten von Achaia bis auf Diokletian, Wien, 1939, стб. 130.

⁵⁷ B o w e r s o c k, Greek Sophists, стр. 100.

⁵⁸ O l i v e r, Marcus Aurelius, стр. 66—71.

Таким образом, надпись еще раз подтверждает свидетельства Филострата.

В свете вышеизложенного представляется возможным более точно следовать хронологической последовательности изложения событий у Филострата.

Укажем еще на обстоятельство, до сих пор ускользавшее от внимания исследователей. Рассказ об экклесии, датируемой теперь началом 70-х гг., помещен у Филострата сразу вслед за сообщением о том, что Квинктилий преследовали Герода за излишние, по их мнению, почести, которые он оказывал своим умершим *τρόφιμοι* — Ахиллу, Мемнону и Полидевку, поставив повсюду их изображения (II, 1, 24). Возникает вопрос, от чего могли умереть одновременно три любимых ученика Герода, находясь в расцвете лет? По-видимому, единственное реальное предположение — это их смерть от эпидемии чумы, которая свирепствовала в Аттике в середине 60-х гг.⁵⁹ По тогда вполне уместно то, что вслед за этим Филострат помещает события, относящиеся к началу 70-х гг. Сообщение о любимых учениках Герода следует сразу за известием о смерти жены Герода Региллы, которая умерла в 160 г.

В итоге вырисовывается достаточно четкая хронологическая канва в изложении событий: смерть Региллы — 160 г., смерть троих *τρόφιμοι* — около 165 г., экклесия — начало 70-х гг.

Таким образом, послание Марка Аврелия позволяет не только уточнить сведения Филострата, но и по-другому посмотреть на самого автора биографии. Все новые данные эпиграфики подтверждают данные Филострата. Почти все имена, упомянутые в «Жизнеописании Герода», засвидетельствованы в надписях. Филострат сообщает о конфискации имущества Гиппарха, деда Герода (Phil., VS, II, 1, 3). В надписи, регламентирующей продажу оливкового масла в Афинах, говорится о земле Гиппарха, проданной фиском (IG, II—III², 1, 2, 1100). Филострат извещает, что, тоскуя по безвременно скончавшимся любимцам, Герод повсюду поставил их изображения (Phil., VS, II, 1, 24). Надписи к этим статуям были найдены по всей Греции, хотя особенно много их было обнаружено в Марфоне и Кефисии, любимых имениях софиста (IG, II—III², 3, 1, 3969—3977). Биограф софиста говорит, что на подножии статуй Герод написал проклятия в адрес тех, кто сдвинет их с места или опрокинет (Phil., VS, II, 1, 24). Более 15 таких проклятий найдено в разных районах Эллады⁶⁰. Свидетельство относительно белых одежд, подаренных эфебам (Phil., VS, II, 1, 8), также нашло отражение в надписях (IG, II—III², 3, 1, 3606; Ditt., SIG, II, 870). Перечень сведений Филострата, которые подтверждаются находками надписей или архитектурных остатков, можно продолжить, напомнив о стадионе и одееоне в Афинах, стадионе в Дельфах, театре в Коринфе.

Перейдем к выводам:

Во-первых, новая надпись, несомненно, относится к числу эпиграфических памятников, доказывающих, что сочинение Филострата является источником не только обширной, но и достоверной информации о Героде.

Во-вторых, новая надпись позволяет выяснить ряд вопросов, которые до сих пор не находили своего объяснения — вопрос о «тирании» Герода, о подозрениях Марка Аврелия по поводу связей Герода с Луцием Вером, о датировке правления Квинктилиев в Ахайе, о причинах торжественной

⁵⁹ R. J. L i t t m a n, M. L. L i t t m a n, Galen and the Antonine Plague, *AJPh*, 94 (1973), 3, стр. 243.

⁶⁰ Наиболее полный список этих посвящений см. A. W i l h e l m, *Beiträge zur griechische Inschriftenkunde*, Wien, 1909, стр. 97.

встречи, которую сограждане устроили софисту, возвращающемуся в Афины.

В-третьих, эта надпись углубляет наши представления о времени правления Антонинов, при которых, особенно в последней четверти столетия, прослеживается начало кризиса.

HERODES ATTICUS AND HIS TIME IN THE LIGHT
OF NEW EPIGRAPHICAL DATA

L. Yu. Menshikova

The recent publication of a large inscription (J. H. Oliver in *Hesperia*, Suppl. XIII 1970), which consists of a letter addressed by Marcus Aurelius to Athens, calls attention once more to the striking figure of Herodes Atticus. The inscription confirms the authenticity of facts related by Herodes's biographer Philostratus, makes clearer the attitude of Marcus Aurelius to Herodes, sheds light on several hitherto obscure aspects of political life in Athens and in the province of Achaëa, and deepens our understanding of the Antonine era.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБЫНЫ